

Лекси — за телефонный звонок

МЕСЯЦ ПЕРВЫЙ

Оливия Джессен

Осторожно, шестимесячное пузо! Вот это его
разнесло, ребятки #Животик #Вожданиичуда
81 «нравится»

Гарри Спирс

Теперь она официально моя!
Гарри Спирс и Клэр Роджерс помолвлены.
332 «нравится»

Андреа Симмонс

Вот это фонтан! Но посмотрите на эти сладкие
щечки...
52 «нравится»

Комментарии:

Оливия Джессен: Только не это, Андреа. Мне все
это еще предстоит.

Андреа Симмонс: Я подарю тебе на бэби шауэр
прищепку!

Приглашение на мероприятие: суперсекретный
бэби шауэр Оливии Джессен

16 пойдут

**Официальная группа книги «Негодная:
как я послала на хрен чужие правила»**

Ну что, негодники? Кто сегодня идет на мое лондонское выступление? Поверить не могу, что все билеты раскуплены! Я вас всех люблю и обожаю. Увидимся в семь. Я буду на сцене с микрофоном в руках вне себя от счастья оттого, что в моей жизни есть вы.

2434 «нравится», 234 комментария

Я смотрела на притихший зал.

Лиц так много, что невозможно было выцепить кого-то одного, но у всех было одно и то же выражение. Лица сияли, глаза блестели, пальцы были переплетены.

Они ловили каждое мое слово.

Я подходила к важному эпизоду. Именно его они ждали. Ради него все это и затевалось. Я прошла по сцене в дизайнерских туфлях и одернула свое дизайнерское платье. Я — воплощение успеха: аккуратная прическа, ухоженный вид, хайлайтер, контуринг... главное, не переусердствовать. Я посмотрела прямо в зал — на эти взволнованные и нетерпеливые лица — и сказала:

— Именно тогда ко мне пришло озарение. — Я вздернула тонко очерченную бровь. — Я сидела, скрестив ноги, в задрипанной палатке в Седоне и распевала какую-то дичь с толпой неудачников, а на шее у меня болтались дурацкие четки. И тут меня осенило...

Я выдержала паузу.

Зал замер. В воздухе сгустилось предвкушение.

— Я, как и все, пыталась *найти себя*, — продолжила я. — Я, как и все, страдала от нервного срыва и, как и все, пыталась прийти в норму. Но тут я сказала себе: ХВАТИТ. — Я вскинула руку в останавливающим жесте. И, помедлив еще немного, продолжила: — «Может, хватит жить по чужим правилам?» — спросила я себя. «Чего хочу я сама?» Жизнь — это не картина по номерам. Чужие рецепты не работают. У меня случился кризис четверти жизни, и я целый год провела в поисках себя, но в свои двадцать пять я продолжала делать себе только хуже. Я делала то, что, по моему мнению, *обязана была* делать, а не то, в чем я *нуждалась* на самом деле.

Раздался чей-то возглас. В зале рассмеялись. Я присоединилась, и смех эхом закружился по комнате, разливаясь из динамиков.

Я кивнула.

— Вот так-то.

Сделала паузу, чтобы зал успокоился. Отошла к другому концу сцены. Тишина. Я медленно моргнула, пытаясь припомнить тот самый момент. Снова пережить тот восторг. Шесть лет назад. Тот самый, невероятный день. День, когда моя жизнь повернула на правильный путь.

— И вот, — продолжила я. — Я открыла глаза, встала и вышла из этой дурацкой юрты, где проходила медитация, ни разу не оглянувшись.

Как обычно, раздался шквал аплодисментов. Как обычно, залу потребовалось добрых пять минут, чтобы успокоиться. Как обычно, мои глаза заблестели

в знак признательности. И я рассказала оставшуюся часть истории. Она и без того была им известна — ведь все они сжимали в руках мою книгу в надежде на автограф. В надежде на то, что я уделю им свое время. Они хотели рассказать мне о том, как трудно им дался их третий десяток, о неудачных отношениях, унылой работе, о собственных разочарованиях. И о том, как моя книга, мои слова, моя история помогли им. *До сих пор* помогают им.

Это просто безумие. Иногда я забываю, какое это безумие.

Хотя очередь тянулась вдоль нескольких коридоров, мы продали не так уж много книг: у всех уже были свои экземпляры. Потрепанные, с потертыми корешками, сплошь в закладках, которыми были отмечены любимые отрывки. Я больше трех часов раздавала автографы с дежурной улыбкой на лице, стараясь, чтобы моей энергии хватило на всех женщин, которые так долго ждали этого мгновения.

Мгновения рядом со мной.

Будто я какая-то особенная.

Так что я беспрестанно улыбалась и пожимала им руки, когда они рассказывали мне о своих приключениях. Обнимала их, стоило им расплакаться. Подавалась вперед и внимательно слушала тайны, поверяемые шепотом. Рядом нервно вертелась пресс-агент, пытаюсь выяснить, все ли у меня в порядке, нужна ли мне передышка, хочу ли я пить. Я улыбнулась ей и отказалась. Все в порядке. Все прекрасно. Я справляюсь, но спасибо за заботу.

Вопросы были одни и те же:

- Когда выходит ваша новая книга?
- Над чем вы сейчас работаете?
- Скоро ли ждать ваш новый проект?
- Я вся в нетерпении. Сколько еще ждать?

Моя улыбка увяла. Дотронувшись до носа, я отвечала снова и снова: «Скоро вы все узнаете» или «Следите за новостями».

Кроме того, их интересовало главное:

- Вы и правда по-прежнему вместе?
- Тот парень, с которым вы познакомились в конце книги, — вы все еще с ним?
- Вы все так же любите друг друга?

Они напоминали детей, которые спрашивают родителей, правда ли, что Санта-Клаус существует: глаза широко распахнуты от предвкушения и страха. Я понимала их чувства. Я — их шанс на успех: раз у меня получилось встретить Его, то и у них получится. Если у меня все сработало, то сработает и у них. У меня случилось чудо — случится и у них. Я — отражение всего, о чем они мечтают. Зеркало Еиналеж во плоти.

Но я же могу стать и их приговором. Если у моей сказки несчастливый конец, на что рассчитывать им? Без моего чуда им не на что надеяться.

Я кивала, глупо улыбалась, что-то мямлила и застенчиво повторяла одно и то же: «Да, мы по-прежнему встречаемся. Мы живем вместе».

Это приводило их в восторг. Они ахали, просили показать фото, умилялись, вздыхали. Их глаза расширялись, увлажнялись, они чувствовали облегчение. К моим глазам подступили слезы, и я изо всех

сил заморгала, чтобы не расплакаться. Эти расспросы пробудили воспоминания о Нас — таких, какими мы были тогда, в конце той истории, за которую они так цепляются. Воспоминания такие яркие — быть может, потому, что я уже шесть лет вынуждена без конца их повторять...

— Вы хорошо себя чувствуете?

— А?

Моргнув, я заметила перед собой девушку: ходячий комок нервов, пальцы теребят мою книгу — в ней не менее сотни закладок.

— Прошу прощения. — Я с улыбкой взяла у нее книгу. — Как вас зовут?

— Роза.

— Красивое имя, — сказала я. Я всем это говорю.

— Спасибо.

И я написала ровно то, что пишу всем:

Дорогая Роза!

Живи по своим собственным правилам.

С любовью,

Тори

Она расплакалась.

— Спасибо вам, — давась от слез, пробормотала она. — А можно... фото с вами?

Я протянула ей книгу.

— Разумеется. Как вы себя чувствуете?

Она рассмеялась:

— Все в порядке, я просто в восторге от встречи с вами.

Я приветливо протянула к ней руки.

— Давайте обнимемся и сделаем фото.

Рози протянула телефон моему пресс-агенту, даже не спросив, готова ли та нас щелкнуть, — настолько ее переполняли эмоции. И шумно, не переставая дрожать, придвинулась ко мне. Я притянула ее поближе и обняла. Горячее и потное тело соприкасалось со складками моего платья, но я дорожила этим мгновением больше, чем тканью.

— Улыбочку! — сказала пиарщица, поднимая телефон.

Я улыбнулась, наиболее выгодным образом повернувшись к камере: подбородок опущен — так лучше видна линия скул, лоб гладкий — никаких морщин. Вспышка, Рози хихикнула, отошла и тут же проверила, как мы получились.

— Спасибо, что пришли. — Я отдала ей книгу.

— Это вам спасибо. Спасибо, что вы это написали. Вы даже представить себе не можете. Когда мне было двадцать три, все шло наперекосяк... а затем мне попалась ваша книга... и моя жизнь изменилась... это правда.

От улыбки уже сводило скулы, но это было важно для нее.

— Ух ты, я так рада это слышать. А сколько вам сейчас?

— Двадцать пять.

Какого хрена, ей всего двадцать пять! С каждым разом они все моложе и моложе.

— Я очень рада, что вам понравилась книга.

Я уже смотрела мимо нее на следующую девушку в очереди. На часах уже десять, а мне завтра на свадьбу. Но прежде чем я взяла книгу из очередных

дрожащих рук, Розы осмелилась задать еще один вопрос.

— Ой, простите. Можно узнать? Парень с Утеса из вашей книги — вы ведь по-прежнему вместе?

Парень с Утеса.

Мы познакомились на вершине горы в Седоне, в месте силы. С воплем «*Да пошло оно все!*» я швырнула четки куда-то за линию горизонта — а ему это понравилось.

Том...

Он мог оказаться где угодно в тот день, но по невысказанному стечению обстоятельств он почему-то находился в Аризоне. В *Седоне*. И забрался на ту же гору, на то самое место силы.

Моя версия «и жили они долго и счастливо».

Так кончаются сказки, где героя награждают за его смелость.

— Да, — подтвердила я, в то время как моя улыбка уже начинала переходить в оскал, — мы по-прежнему вместе.

Взвизгнув, Розы замахала руками и покраснела.

— Извините. Я веду себя как фанатка.

— Ничего страшного.

Я снова смотрела поверх ее плеча: она отняла уже слишком много времени, хотя я вряд ли могла жаловаться. В очереди стояли еще не менее полусотни девушек, их терпение истощалось. Но Розы ничего не замечала. Мой ответ придал ей уверенности. Ей нужен был этот разговор. Она уже считала нас подругами, закадычными подругами.

— И вы по-прежнему безумно счастливы?

Я прикрыла глаза, пауза затянулась. Но улыбка не сходила с лица. Так и должно быть. Ради еще пятидесяти человек. Розы видела ямочки на щеках, обворожительную улыбку и сияющее, ничем не омраченное счастье. Мою мудрость. Мою безмятежность. Именно этого она и ждет. За это она заплатила.

— Конечно, — сказала я, — мы безумно счастливы.

В такси по дороге домой адреналин стал выветриваться. Мышцы сжимались и разжимались. Коктейль из гормонов в районе желудка начал потихоньку испаряться, напряжение дюйм за дюймом покидало тело. Прислонив голову к затемненному стеклу, я наблюдала, как снаружи проносятся огни Лондона. Этот город стремится ввысь, противясь любым попыткам остановить его развитие, — совсем как люди, живущие в его небоскребах.

В моей руке ожил и настойчиво завибрировал смартфон.

Ди: ПОМОГИТЕ, ОН ПРОСТО ПСИХ

Я улыбнулась. Такси миновало помпезную громаду Биг-Бена, мы проехали над темными водами Темзы. Я обожаю читать сообщения от Ди, которые она шлет во время свиданий.

Тори: Но не может же он быть хуже того, что был на прошлой неделе?

Ди: Он женат, Тор. ЖЕНАТ!!

Тори: И как же он тогда оказался на свидании с тобой?!

Ди: Он готов развестись, но НИГДЕ НЕ МОЖЕТ НАЙТИ ЖЕНУ, ОНА, ВИДИТЕ ЛИ, ИСЧЕЗЛА

Пока мы переписывались, такси нырнуло в мутные глубины Южного Лондона — сверкающие огни сменились бетонными плитами так называемого доступного жилья: доступного, если родители помогут с первоначальным взносом, пока сами они пытаются уклониться от налога на наследство. Я пыталась выразить должные сочувствие и волнение, но мне очень хотелось в туалет.

Тори: Ты как? Такое случается только с ТОБОЙ, моя дорогая.

Ди: Все ОК! Я дома. Мечтаю выпить мерло с моими активными и молодыми соседями по квартире, но завтра у нас эта эпохальная свадьба.

Тори: Не напоминай. Мне по-прежнему заехать за тобой в 10?

Ди: Да будет так.

Пять минут спустя:

Ди: Дело не во мне, Тор. Все свидания такие. Либо со скуки помрешь, либо они чокнутые.

Мы неспешно огибали парк, и я убрала телефон. Тротуар был усеян курильщиками и пьяными телами, которые жадно вгрызались в жареную курицу из

ведрышек, громко смеялись, визжали, жались друг к дружке, хватали друг друга за плечи. Мы остановились на светофоре, такси завибрировало в такт музыке, гремевшей из квартиры наверху. Лондон не знает отдыха. Для него не существует сна, дремы и даже сонливости. Тяжело жить в городе, который всегда бодрствует.

Я подумала, что дома меня ждет Том, и эта мысль придала мне сил. Он будет там, скажет, что любит меня. Мне не нужно больше возвращаться в мир парней, которые обещают перезвонить или шлют фотки своего члена, в мир непрочитанных сообщений без ответа. Если Тома не будет рядом... Я поехала от одной только мысли, что может быть по-другому. Что мне придется начать все заново: мне тридцать один, и я одинока. Мне тридцать один, и я указываю возраст в приложении для знакомств. Я знаю, о чем будут думать люди, глядя на эту цифру. Пара увядающих яичников. Отчаяние. Песок, который сыпется тебе вслед, потому что часики тикают...

Том любит меня, а люблю Тома. Это нечто особенное. Это чувство встречается реже, чем кажется. Любовь — единственное, что вам нужно.

Водитель притормозил и потянул на себя ручник. Я восхищаюсь Томом. Мне невероятно повезло, что Том рядом со мной. Мне не терпелось поскорее увидеться, прильнуть к нему, поделиться любовью и облегчением. Пальцами я перебирала ключи от нашего дома, где все квартиры на одно лицо. Том заявил, что лучше уж купить новостройку, чем квартиру в бывшем викторианском особняке. Я согласилась: так было проще, чем спорить, пусть даже основную

сумму внесла я. Не хочу плохо думать о Томе. Не после сегодняшнего вечера. Ведь за нас переживают столько людей. Он мой прекрасный принц, я люблю его и не хочу остаться в одиночестве.

Не успела я опустить вещи на пол, как ко мне подбежала Кошка. В качестве приветствия она, выгнув спину, потерлась о мою ногу.

— Я дома! — крикнула я, хотя это и так было ясно.

Молчание.

Том был здесь — свет горит, на вешалке висит его пальто, но я и без того *чувствовала* его присутствие в квартире — однако он не отозвался. Я бросила вещи на пол и подхватила на руки Кошку. Она начала вырываться из рук и попыталась укусить меня, вынудив отпустить ее. Она скрылась в спальне, и я последовала за ней, по дороге скидывая пальто.

— Привет. — Том сидел на кровати, сгорбившись, и держал в руках iPad, лицо его озарял синий свет. На меня он даже не взглянул.

— Как все прошло? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Отлично.

— Вот и славно, — сообщил он экрану.

Чувство любви начало покидать меня, словно бы кто-то вытащил пробку из остывшей ванны. Кошка, прыгнув на кровать, разлеглась на коленях Тома, устроила голову на планшете и принялась извиваться, исполняя кошачью версию танца семи покрывал. Ее настойчивость принесла плоды — не в пример мне.

Губы Тома сложились в улыбку.